

ЗНАКИ ИНТЕГРАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Гавриленко Анастасия Сергеевна

магистрант Кубанского государственного университета, РФ, г. Краснодар

Грушевская Татьяна Михайловна

д-р филол. наук, профессор Кубанского государственного университета, РФ, г. Краснодар

THE SIGNS OF INTEGRATION IN INTERCULTURAL POLITICAL DISCOURSE

Anastasia Gavrilenko

master's student, Kuban State University, Russia, Krasnodar

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и анализу знаков интеграции в политическом дискурсе, рассматриваемом в контексте межкультурной коммуникации. В представленном исследовании разбираются примеры вербального представления идеи сплоченности и единства посредством инклюзивного «мы», лексем совместности, лексических единиц с компонентом совместности, а также различных речевых актов, выполняющих интегративную функцию.

Abstract. The article is devoted to the elicitation and analysis of the signs of interaction in political discourse in the intercultural communication context. The main aim is to examine the examples of how the idea of unity can be verbally represented through inclusive 'we', lexemes of solidarity, lexical units with the solidarity component, as well as speech acts performing the integrative function.

Ключевые слова: политический дискурс; институциональный дискурс; межкультурная коммуникация; лингвистическая прагматика; семиотическое пространство; знаки интеграции; речевой акт.

Keywords: political discourse; institutional discourse; intercultural communication; linguistic pragmatics; semiotic space; signs of integration; speech act.

Политический дискурс, отражающий одну из наиболее важных сфер жизни общества, привлекает внимание все большего числа ученых, в том числе лингвистов. В узком смысле он понимается исключительно как институциональный дискурс, имеющей своей целью «завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [5, с. 44]. В широком смысле политический дискурс может включать как институциональные, так и неинституциональные формы общения; при этом к политической сфере должна иметь отношение хотя бы одна из следующих составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [8].

Кроме того, глобальные экономические процессы, растущая взаимозависимость стран, необходимость международного сотрудничества для решения общих проблем позволяют рассматривать политический дискурс как часть межкультурной коммуникации, в центре внимания которой находится «коммуникативное взаимодействие представителей разных культур» [3, с. 3].

В рамках данного исследования мы изучаем институциональную политическую коммуникацию в международной среде и понимаем политический дискурс как совокупность речевых актов, используемых для осуществления политической деятельности в соответствующем институциональном контексте.

Преимущественно дискурсивный характер и значимость непосредственно речевых действий отличает политику от ряда других сфер общественной жизни, а сам политический язык представляется особой знаковой системой, предназначенной для политической коммуникации: «для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...» [2, с. 6]. Эта знаковая система, представленная как вербально, так и невербально, а также набор прецедентных текстов и высказываний образуют семиотическое пространство политического дискурса. Основным организующим принципом этого пространства, по мнению Е. И. Шейгал, является семиотическая триада: ориентация (формулирование и разъяснение политической позиции), интеграция (поиск и сплочение союзников) и агональность (борьба с противником) [8]. Таким образом, можно выделить три типа знаков, присущих политической коммуникации: знаки ориентации (наиболее нейтральные, в первую очередь осуществляющие информативную функцию), интеграции (несущие положительную коннотацию и осуществляющие эмотивную функцию) и агональности (несущие отрицательную коннотацию и осуществляющие эмотивную функцию).

В данной статье мы анализируем вербальные знаки интеграции на материале таких ритуальных жанров институциональной политической коммуникации, как вступительное и заключительное слово, в частности на примере вступительного и заключительного слова президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании саммита Россия – Африка, который проходил 23–24 октября 2019 года в г. Сочи с целью улучшения взаимодействия РФ со странами африканского континента, соответственно, идея сплоченности являлась одной из ключевых в речи главы государства. Особый интерес представляет тот факт, что обычно знаки интеграции в политическом дискурсе изучают в контексте ведения внутренней политики, направленной на единение жителей одной страны; в данном же случае коммуникация происходит в международной среде и знаки интеграции служат эффективным средством ведения внешнеполитической деятельности.

К вербальным знакам интеграции Е. И. Шейгал в первую очередь относит: инклюзивное «мы», лексемы совместности, лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива, формулы причастности (Я, как и все...) и грамматические формы непрямого императива (1-е л. мн. ч.) со значением включения в сферу его действия говорящего [8].

В нашем исследовании были выявлены примеры первых трех знаков интеграции. Отсутствие формул причастности можно объяснить тем фактом, что президент выступал не столько от себя лично, сколько от лица России, а также африканских стран, выражая причастность и общность при помощи инклюзивного «мы»: «...ситуация во многих регионах Африки остается, к сожалению для нас всех, нестабильной» [6] или «Мы едины в поддержке таких ценностей, как справедливость, равенство, уважение права народов самостоятельно определять свою судьбу» [4]. Такие лексические единицы в функции вокатива, как «друзья» и «коллеги» также способствовали созданию благоприятной атмосферы для определения совместных целей. Самую многочисленную группу знаков интеграции составили лексемы совместности. Так, чаще всего В. В. Путин использовал в своей речи слова «наш» (10 раз), «сотрудничество» (10 раз) и «взаимодействие» (9 раз): «Наши страны заинтересованы в поступательном развитии российско-африканских отношений» [4]; «Одновременно делаются шаги по налаживанию сотрудничества в секторе высоких технологий» [6] или «Будем улучшать наше взаимодействие» [4]. Повтор указанных лексем позволяет укрепить в сознании людей идею единства.

Стоит отметить, что для усиления эффекта указанные выше маркеры часто используются в различных комбинациях друг с другом. Например: «Исхожу из того, что мы все нацелены на то, чтобы придать нашему сотрудничеству более системный и комплексный характер» [4]. В данном случае В. В. Путин использует инклюзивное «мы», имея в виду Россию и страны африканского континента, а также лексемы совместности, такие как «все» и «нашему» и «сотрудничество», подразумевающие единение государств в решении общих задач. Эти средства способствуют повышению положительной эмотивности речи и позволяют создать доброжелательную обстановку, направленную на поддержание и укрепление межкультурных связей.

Поскольку в данном исследовании мы рассматриваем деятельностную сторону языка, т. е. то, как с помощью языковых средств достигаются цели говорящего, важным оказывается использование положений лингвистической прагматики, в основе которой лежит теория речевых актов, «определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу)» [1, с. 18–19]. Характер иллокутивной силы лежит в основе базовой классификации речевых актов Дж. Р. Серля, которые он делит на следующие группы:

- 1) репрезентативы, отражающие положение дел в мире;
- 2) директивы, побуждающие адресата делать / не делать что-либо;
- 3) комиссивы, связывающие говорящего обязательством делать / не делать что-либо;
- 4) экспрессивы, выражающие психологическое состояние говорящего;
- 5) декларации, объявляющие некоторое положение дел существующим [7].

Е. И. Шейгал рассматривает иллокутивные речевые акты сквозь призму семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность» и выделяет речевые акты интеграции (здравницы, призывы к единению, констатация единства), ориентации (прогнозы, лозунговые ассертивы и декларативы, рефлексивы), агональности (призывы и требования в политической полемике) соответственно [8]. В анализируемых нами текстах отсутствуют примеры здравниц и призывов к единению (сюда, на наш взгляд, относятся и уже упомянутые ранее не прямые императивы со значением включения говорящего), так как вступительное / заключительное слово как ритуальный жанр, на наш взгляд, подразумевает более формальную подачу идеи сплоченности.

Мы полагаем, что речевые акты констатации единства (которые относятся к группе репрезентативов и предполагают меньшую экспрессивность, в отличие от здравниц и призывов) могут быть ориентированы в будущее, прошлое и настоящее. В первом случае речевые акты способствуют сплочению людей во имя общей цели, имеющей долгосрочные перспективы: «В этой связи считаем важным наращивание совместных усилий в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Планируем активизировать контакты между правоохранительными органами и специальными службами Российской Федерации и стран Африки, координировать усилия, обмениваться соответствующей информацией» [6]. Ориентация в прошлое позволяет утвердить общую историю и общие ценности, на которых должно быть построено взаимодействие: «Наше сотрудничество, уходящее корнями в период совместной борьбы против колониализма, носит стратегический и долгосрочный характер» [6]. Наконец, репрезентативы, ориентированные в настоящее, выявляют общность позиций в текущей политической ситуации: «Дискуссия показала, что у нас общие или созвучные мнения по большинству актуальных глобальных и региональных проблем» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что для выражения идеи сплоченности в рамках институционального политического дискурса, взятого в контексте международного общения, могут быть использованы различные вербальные знаки интеграции, как грамматические, так и лексические, которые формируют особые речевые акты (в данном случае репрезентативы), осуществляющие интегративную функцию.

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика : учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 592 с.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты : традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
3. Гузикова М. О., Фофанова П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
4. Заключительное слово на пленарном заседании саммита Россия – Африка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61902> (дата обращения: 01.02.2020)
5. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1(24). – С. 43–48.
6. Саммит Россия – Африка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61893> (дата обращения: 01.02.2020)
7. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.